

Падший свет

Он не смог бы жить среди бомжей, ночевать на теплотрассе, рискуя ночью быть посланным куда подальше, а то и избитым своими собратями-однодневками. Он не умел повышать голоса, который всегда, напрягаясь, оставался в недоумении, что же петь дальше. Он плохо видел: очки с огромными стёклами мешали ему, они словно наваливались на него своей тяжестью. И вот теперь, когда его не было, мы, трое из Тремпа, названного его именем музыкального коллектива, стояли в моей комнате и не знали, что делать дальше.

– Никто теперь не пойдёт на нас, – вздыхала Соня-скрипачка, размазывала косметику со своего детского личика, сопела. – Наша великолепная четвёрка невозможна втроем.

Я так не считал, оберегая в себе самую новую песню. Вообще я думал, что нам ещё можно спастись, но группа мешает раскрыться творческому потенциалу её участников, давит на каждого. Конечно, я никому не рассказывал об этом. Пусть сами заметят, что на концерты не приходит никто, кроме наших общих знакомых. И вряд ли это было связано с отсутствием Тремпа. Просто будь мы хоть вдесятером, толку бы не было. Скорее всего, мы упустили свою волну, а подлаживаться к чему-то новому не могли из-за своей категоричности.

– Что делать с приглашением на фестиваль? – пробубнил молчаливый бас-гитарист Дорис, – Неделя халявной жрачки. Да и нам надо отвлечься. Пальцы устаали срываться опп струны, пальцы восстааали на девичьи луны.

Я не хотел ехать в этот лагерь. Не потому, что уже ни во что не верил. Пожалуй, я считал эту поездку простой тратой времени, попыткой оживить похолодевший уже труп. Может, нам и дадут деньги за выступление, может,

даже предложат выступить в каком-нибудь едва живом ДК, но работать вместе мы всё равно не сможем. Потому что с нами нет Тремпа.

Его не было уже два месяца и за это время мы не дали ни одного концерта. Про нас стали уже забывать, и Сорвил с «Ливерпуля», встречая меня в универе, улыбался и с не скрываемым презрением спрашивал: «Так вы ещё не подошли?». Я старался отвечать что-то маловразумительное, не понятное даже мне самому и проходил мимо. Наверное, это было хуже, чем смерть – шуршать в кладовой присыпанными пылью и нафталином, смятыми в комки однообразными словами.

Наша Лиза перепилит оконные решётки пилочкой для ногтей и выберется отсюда. Так думали о ней в палате. Скрывая улыбку, пряча за пазухой ехидное замечание, Лиза не сердилась, она понимала, что здесь, когда смеются над другими, одновременно плачут над своим горем.

В первый же день она обследовала территорию. Дальше коридора ей хода не было. Хохотун всегда находился на своём месте. Конечно тогда, когда они не галлюцинировали. Правда Лиза не видела никаких кошмаров – самым страшным для неё было само пребывание здесь – любой сон был бы спасением.

В первый же день она заговорила с Владом о побеге. Ретли ей показался странным, Натка дурной, из Колина вообще слова нельзя было вытянуть. Влад выслушал её внимательно, сказал, что передаст всё Колину, как-то он умел с ним переговариваться. Ретли, Влад сказал, тоже надёжен, только не надо торопиться ему всё рассказывать. Он обязательно захочет перетянуть одеяло на себя, захотеть руководить операцией и тем самым провалит всё дело.

На следующий день, скользкий и быстро стекающий под ноги, на обед подали очень вкусное мясо. Это блюдо, как объяснил Горавски, называется Колот, а особенностью его приготовления является то, что каждый кусочек говядины предварительно прокалывают.

Всем понравилось новое кушанье. Конечно, оно было лучше пустого супа из свекольной ботвы или разваренных

макарон. Но Лиза уже чуяла подвох. Да, тогда она была глупой, но уже понимала, что всё неспроста и даром их кормить разными деликатесами никто не будет. От них чего-то ждут, а что они, измученные, больные люди, могут дать в ответ?

Без двадцати восемь Ретли уже постукивал пальцами по циферблату, ожидая ужина. Но подали ржавую, замоченную на воде овсянку, все переглянулись, приняли остывшее, клейкое кушанье. «Приятного аппетита», – не пощадила Донована Лиза, которой было всё равно, что есть. Ретли ей нравился, но его надо было отучать от мучившего его самого раздвоения личности, вырывать из опустошающих привязанностей, словно паутина цепляющих здесь каждого. Заново учить говорить, читать, писать, словно прежде у него и жизни-то никакой не было.

– Варёного мозга бы дали, – отмахнулась она от подступающего времени приёма пищи.

– Дядя Ми... Не дышит! – в очередной уже раз выкрикнула Натка, но никто не отозвался, даже Жасмин-Бурдыничик не скрипнул едва слышно картонными зубами, не пошевелился от легонького сквозняка с того света.

Дядя Ми не подавал признаков жизни уже несколько дней. Лизе казалось, что он всё слышит и понимает, только не хочет отзываться на пустые одинаковые слова. Потом она также будет вслушиваться в лёгкие колебания воздуха над ними ничего не ощущать, теряясь в тонких гранях между человеческими состояниями.

– Ты уже не можешь уследить его жизнь, так она глубоко забралась, – неохотно выдавила из себя Лиза. Вообще не хотелось говорить, тратить силы на однообразные жесты, выдохи, движения губ.

– Мне страшно засыпать. А вдруг не проснусь, – призналась Натка в очередном порыве своих откровений, которые тут лешему сдались. Её красивое детское личико портили тёмные влажные круги под глазами. Она не спала уже четыре ночи, а днём ходила, будто во сне, вскрикивала, если тень на полу принимала уродливые змеиные очертания.

– Ты умеешь играть на скрипке? – неожиданно вырвалась у Лизы скорая, невымученная фраза. Натка не поняла

сперва, потом замотала головой виновато, однообразно. «Она не побежит, – вздохнула потом Лиза, когда они с Владом в его каморке обсуждали планы побега, – её запугали, убедили в том, что других миров, кроме нашего, уже не существует».

Натка пряталась под одеялом, оберегая драгоценные веснушки. За окном рассыпался на искры душный летний мир, по разбитой асфальтной дорожке рубаха-ветер прогонял сквозь зиму сухие листья.

Утро она ещё вытерпела со всеми, но потом, когда Сорвил откровенно стал подкатывать к ней, объяснила ему, куда надо идти и где его уже заждались. Натянула на плечи рюкзак, затянула потуже шнурки и выдохнула, покинув душные, одинаковые комнаты. Опаздывающее солнце виновато показалось из-под глухой стены главного корпуса, чтоб тут же впасть в проплешину облака. «Не торопись», – шептала она, пытаясь уберечь в невесомой памяти слова новой песни. Собирала цветы, наплевав на обед – во рту её белел одуванчик.

Едва угадываемая в траве тропинка вывела её на заброшенную железнодорожную ветку. Рельсы порыжели, когда дорога цеплялась за холм, можно было заметить тяжёлый, обросший временем гравий. Калитина подумала, что это кладбище мушек, комаров, мелких птичек, которым надо куда-то деваться, когда жизнь пройдёт. Так и забирает всех железная дорога, на звенящем, забитом до отказа поезде едут они отыскивать притомившееся солнце. Зеленоватым жабьим цветом вспрыгнет оно на отяжелевшую шпалу, чтоб соскользнуть в густой дурманящий цвет.

Так бы ей и идти, теряясь в спутанных травах, но тяжёлое серое пятно отвлекло внимание, навалилось справа, будто внезапная туча. Развалины? Наверное. Помахав невидимому поезду, она сошла на безымянной станции, улыбнувшись встречавшим её белым одуванчикам-солдатам, готовым уже отправиться за неё в бой на небеса. Но сейчас не хотелось дышать, отпуская по ветру служивых, надо было скорей исследовать тёмные морщинистые камни.

Это была заброшенная церковь, ухнувшая в белый пух одуванчика, удручающее буйство пустырника, пляску

коротконогих клёнов. Встречались даже пшеничные колосья, Калитина не понимала, откуда они тут взялись, как не пропал в кленовом безумии куст костяники. Тяжёлые мухи, лениво жужжа, упали в невесомый дверной проём, разбивались о незримые камни. Её удивило, что мрачная стена не почернела, не обрушилась, не подмяла своих дурнопахлящих командиров. Она вошла в тёмный, обволакивающий своей пустотой коридор и тут же услышала до боли знакомую мелодию. В церкви кто-то был. Страх сегодня не мог поселиться в ней, потому включив для надёжности фонарик, она пробралась по тёмному заброшенному мусором коридору в огромную светлую комнату. Калитина не могла понять, как такая комната поместилась в невеликой, почти растворившейся в траве церкви. Со стен на неё смотрели, наверное, интересные в прошлом люди, но прежде суровые и мужественные их черты было уже не разобрать, они слишком долго находились здесь и съжились, потеряв надежду углядеть, понять, что происходит снаружи.

Впрочем, один живой человек здесь всё же был. Он мучил гитару, развращая её на звуки, причём мелодии перетекали одна в другую, некоторые она не распознавала, и они пропадали, прячась в тёплых гнилых углах здешнего прошедшего времени.

– Почему вы не со всеми? – удивилась девушка, не узнав очередной мелодии и рассердившись на себя за это, – Там сейчас самая движуха-то и началась.

– Мне не хватает Тремпа, Карпатова, Гришки, многих старичков, – проговорил парень, его глаза сверкнули на мгновение и тут же снова угасли, – но, наверное, они уже не вернутся сюда.

– Старичков? – девушка уже готова была рассмеяться, но её смутила измученная, действительно слишком уж какая-то взрослая улыбка.

– Лиза, – смутившись, девушка протянула ему руку.

– Стас Ерохин, – осторожно прикоснулся парень ладонью к её руке.

Они вышли наружу, двоим одновременно очень трудно оставаться в прошлом. словно подчиняясь им, показалось тонкое солнце, но потом опять увяло, скользнув по седым

пушинкам взметнувшегося вверх дыхания. Он невольно задел её каштановую прядь и, кашляя, извинился, но ей было приятно хотя бы на мгновение ощутить тепло человека.

– Как ты думаешь, здесь построят очередной Маус-хаус? – оглядел Стас тёмные неприветливые деревья, поймал над ними тонкую плёнку неба, – Будет тогда здесь степь с большой юртой посредине.

– Сорок третий километр, сюда ехать далеко, – пожалала плечами Лиза. Ей было всё равно, что здесь будет и какая дура сможет оказаться тут, окружённая обжорками и бутылками. Я хочу обойти все маленькие магазинчики, милый! Полынь, пустырник, клевер, шиповник... Всё равно и через сто лет одуванчики пробьются сквозь дорожную пыль, и какая-нибудь глупая девчонка станет их собирать.

– А я помню тебя ещё на прошлогоднем фэсте с кольцом в носу, – впервые Ерохин изобразил что-то похожее на улыбку, – Вы тогда исполняли «Мы ждём перемен» и ещё пару вещей.

Тремп тогда после концерта впервые сказал, что в ней есть что-то, пугающее его, но именно так проступает настоящий талант, который на сухой и больной почве пропадёт.

– В детстве дура была, наделала дыр и вот теперь ощущаю пустоты внутри себя, – после долгого молчания отозвалась она, – я, наверное, тоже здесь в последний раз. Путной музыки уже не услышишь, а пьянка начинается не после концерта, как раньше, а уже с утра.

У него не было денег, никогда не было, даже купить себе бутылку минералки он не мог, а от грязной воды в туалете дешёвенькой студии, которую мы снимали, всех тошнило.

– Есть люди, которым не нравится то, что происходит вокруг, – лениво перебирая струны гитары произнёс Ерохин. – Они пытаются всё осмыслить и на что-нибудь решиться.

– Но ты же присоединишься к ним? – неуверенно проговорила Лиза, – Наверное, им нужна... наша поддержка.

– Чтоб идти вслед за ними, нужны золотые ноги, – меланхолично вытравил из себя Ерохин. Показал на томящееся в небе солнце, не знающее, за какое облако себя запихнуть, на сколько лучей расщепить свою силу.

Он наверняка тоже пойдёт вслед за солнцем, постоянно теряя его прячущимся в тени огромных очков взглядом. Недоумённо хмыкнув, Тремп двинется дальше, и тут оглушённое солнце покажется из его кармана.

– У башен-близнецов на следующей неделе мы все встретимся. Будет много студентов, подойдут и рабочие бывшей стрелецкой фабрики, сажевого завода. Приходи, там ты увидишь много знакомых лиц из старой гвардии рокеров.

Она вернулась в корпус и как раз и поспела к обеду. Удивительно, ей казалось, что прошла целая жизнь, а ничего не случилось, лишь на второе подали какое-то невиданное прежде блюдо: роскошные сочные куски мяса, выложенные не то в форме звезды, не то креста.

– Объявим протест вкусной пище! – кричал Дорис, который, казалось, и ехал сюда, чтобы вдоволь поесть, – Мы рокеры, а в нас хотят насильно запихнуть попсовые, сиюминутные удовольствия! Жрите сами ваши куски мяса!

Соня механически кивала, вроде поддакивала ему, но у самой во рту уже шевелилось что-то бесформенное, жирное. Куски мяса предварительно прокалывают, так ей объяснил Сорвил. Лиза попробовала, ей понравилось. Не всё же макароны с яйцом дома трескать. Хотелось съесть ещё и ещё. Огромная компания музыкантов дружно чавкала, да только это никак не было похоже на общую, объединяющую всех мелодию. Где-то среди рокеров затесался и Влад, маленький, неприметный, успевший даже спрятать в карманы несколько самых крупных кусков. Калитина насвистывала простенькую мелодию, потерявшись среди шума, брани и толкотни. О своём недавнем знакомстве она больше не думала, одуванчики отправились в мусорное ведро. Как-то попыталась найти Ерохина в огромном полупустом корпусе, но отчаялась, когда услышала в дальнем коридоре отчаянные крики случайной рокерской любви. Вспомнила о том мгновении тепла, которое ощутила тогда у церкви и махнула рукой. Всё равно всех здесь разведут на грязные отношения, в последний день творения возлюбленных можно будет обнаружить даже на детской площадке.